

3 ОКТ 1959

ПИСАТЕЛЬ
РАССКАЗЫВАЕТ

ЗАБОТЫ ХУДОЖНИКА

УТРЕННИЕ часы и всю первую половину дня Вера Федоровна Панова отдает работе над рукописью. И нет такого важного дела, которое могло бы в это время оторвать ее от рабочего стола. Большой стол вплотную придвинут к окну, выходящему на просторное и зеленое Марсово поле. В стороне, справа, четко выделяется силуэт Инженерного замка. Прямо за площадью начинаются чугунные решетки Летнего сада...

В комнате Веры Федоровны стоит большой остекленный шкаф. В нем хранятся книги В. Пановой на многих языках мира. Вот «Кружилька» на китайском языке, набранная мелкими иероглифами. Вот финский «Сережа». Произведения писательницы шагнули далеко в мир.

Вера Федоровна никогда не пишет заранее подробно разработанного плана, отдельных характеристик, портретов. Не ведет она и записных книжек, исключая те случаи, когда материал нуждается в специальном изучении, разысканиях исторического порядка и т. п.

— Основные связи держатся в памяти, и их никогда не упустишь. Для меня, — говорит Панова, — герой начинает жить, когда он заговорил и я его услышала. После этого он может говорить о чем угодно, делать доклад или объясняться в любви, — я его слышу так же отчетливо, как если бы он говорил над моим ухом.

А бывает и так, что герой доживает до последней страницы и молчит. Не заговорил. А как часто уже готовые, отработанные листы летят в корзину, и все приходится начинать чуть ли не заново. Так было с «Временами года», с «Сентиментальным романом», которые писались долго и нелегко.

Мы заговорили о жизненной основе «Сентиментального романа».

— Да, в нем много автобиографического, непосредственно пережитого, хотя, конечно, есть и вымысел. Но это тот редкий для меня случай, когда я могу точно указать реальных прототипов многих героев. «Сентиментальный роман» вовсе не был задуман как историческая вещь, хотя там идет речь о двадцатых годах. И — если вы заметили — не только о двадцатых, так как действие перебрасывается и в тридцатые годы, и в наши дни. Мне хотелось, чтобы в каждом герое были отчетливо видны его задатки, его будущее, его возможная судьба — все то, что приближает ровесников моей юности к нам.

В тот день, когда я пришел к Вере Федоровне для беседы, «Ленинградская правда» заканчивала печатание нового рассказа В. Пановой «Первое путешествие Вали» — о тревожных днях начала войны. Все, что есть в рассказе, знакомо до щемяющей боли: расставание с близкими, брошенный семейный очаг, толпа у вокзала, ожидающая отправки, вагонный быт эвакуированных...

Я заинтересовался историей создания рассказа.

— «Первое путешествие Вали», — сказала Вера Федоровна, — открывает небольшой цикл рассказов о военных временах. В цикл войдет еще несколько историй: «Второе путешествие Вали», «Возвращение Володи» и другие. Эти рассказы о тыловых детях — дань переживаниям военных лет.

— Когда возникает новый замысел, — говорит Панова, — в его основе всегда лежит что-нибудь очень конкретное, зримое, что можно ощутить: человеческое лицо, город, родные улицы, чем-то пораженный предмет. Не представляю, что работа писателя может начинаться с голого тезиса.

Я спросил у Веры Федоровны о замыс-

ле нового романа «Ленинградские улицы», над которым она сейчас работает.

— Мне хочется написать добрый, веселый роман о людях нашего города. Вы когда-нибудь видели в Михайловском саду пчелиные ульи?

Я признался, что ульев никогда не видел, хотя много раз бывал в Михайловском саду.

— Так вот: в центре Ленинграда кто-то разводит пчел и каждый год летом выставляет ульи.

И Вера Федоровна очень живо, с юмором передала содержание нескольких жанровых сценок, которые, по всей вероятности, займут свое место в новом романе.

— Я не коренная ленинградка, — говорит Панова. — Но я бесконечно люблю наш город и не перестаю удивляться ему. Мне кажется, что это лучшее место на земном шаре. Мне нравится ленинградская окраина ранним утром — с ее стройками, трубами, желтыми и оранжевыми дымами.

Не так давно мне пришлось побывать в рабочем общежитии Металлического завода. Я бываю в суде, слежу за интересующими меня делами. Один из праздничных вечеров я провела в отделении милиции Смольнинского района.

С В. Пановой интересно говорить о литературе, ее старых мастерах и современных писателях, о технологии писательского труда.

— Для профессионального литератора, — говорит она, — очень важно сохранять непрерывность в работе, иметь необходимый «задел», который закладывается постепенно, исподволь. Тогда работа над рукописью становится неодолимой потребностью, а не занятием от случая к случаю.

В. Панова пристально всматривается в творчество писателей, открывших в искусстве новые пути. Она подробно говорит о том, как поразительно — по технике — построены характеры в «Мертвых душах», как точно постигнут современный человек Запада в сдержанной и лаконичной прозе Э. Хемингуэя...

— Великие писатели сказали нам о жизни так, — говорит Вера Федоровна, — как не мог за них сказать никто другой. Поэтому их нельзя повторять, нельзя переносить законов созданного ими мира на другую жизнь. Тем более нельзя повторять отдельные приемы их письма. За чужим, заимствованным приемом сразу чувствуется что-то ненастоящее, картонное.

— Очень хочется писать хорошо, — говорит Панова. — Но наивно было бы думать, что для этого достаточно изучить классиков. Изучать их необходимо, но лишь для того, чтобы лучше узнать относительную меру вещей, возможные масштабы дерзания в искусстве.

Говоря о классиках, В. Панова неизменно возвращается к сегодняшнему дню литературы. И это сразу чувствуется, заходит ли речь о технике массовых сцен у Золя или особенностях стиля Томаса Манна. Писательницу живо интересуют судьба современного романа, эволюция его структурных форм.

— Современный роман — это уже совсем не то, что было, например, у Дикенса. Герой женился, и на этом все кончалось. Счастливая развязка исключала продолжение. Как будто на этом кончалась жизнь. Теперь на смену жесткому завершенному построению все чаще приходит свободное, незавершенное. Законченность романа, его основной мысли достигается новыми, бесконечно более разнообразными средствами. Событийная развязка теряет свое исключительное значение. Современные писатели все на-

стойчивее стремятся овладеть движущимся потоком жизни, ее пестрым течением. Из этого потока невозможно взять все подряд. В завихрениях бытия сознание писателя выделяет какие-то уплотнения, какие-то опорные точки, вокруг которых завязывается замысел.

Снова и снова возвращается В. Панова к своим мыслям о том, как важно в искусстве быть правдивым — в большом и в малом, в общем замысле и в деталях.

— Бывает и так. Читаешь роман: на второй странице автору не веришь, на десятой не веришь, на семидесятой тоже не веришь. И когда на сотой странице вдруг мелькает правда, к ней начинаешь относиться с подозрением — она погребена под ложью. В искусстве нетерпимо все, что компрометирует художественную правду.

Дальние свои замыслы В. Панова держит пока в секрете и бережет от преждевременных комментариев. Среди них — пьеса, роман-сказка... Драматургия — давняя и неизменная привязанность В. Пановой.

Помню, как несколько лет назад в Ленинградском Доме писателей Вера Федоровна читала пьесу «Метелица». В чтении автора пьеса оставила сильное впечатление. Трудно забыть ее суровые сцены: полуразрушенную синагогу, куда немцы согнали военнопленных, стойкость и мужество советских людей перед лицом врага, безумную старуху-раввиншу, требующую у бога ответа, куда делись ее дети...

На мой вопрос о новой пьесе, которую уже давно пишет В. Панова, последовал очень краткий ответ. Пьеса будет о наших днях.

— А роман-сказка?

— Эта книга предназначена в основном для взрослых, но я мечтаю написать роман-сказку так, чтобы его с интересом могли прочесть и дети...

Вера Федоровна говорит о большом впечатлении, которое оставил театр Брехта «Берлинер ансамбль», гастролировавший в Ленинграде.

— После Брехта, — сказала она, — трудно писать узкобытовую драму. Современный материал в нее не ложится. Для нового материала драматург обязан искать новые средства выражения, новые формы — очень емкие и свободные от шаблонов.

Вера Федоровна называет ряд имен молодых писателей, с работой которых ей так или иначе пришлось столкнуться.

— Мне нравится тонкость письма Ричи Достян. Ее книжка «Кто идет?» прелестна. Достян работает на сравнительно узком материале, но то, о чем она пишет, увидено свежо, точно, по-своему. Удачные книжки выпустили Виктор Коненкий, Эдуард Шим, Глеб Горышин. Это даровитые рассказчики, и при серьезном отношении к своему труду, к слову они обещают дать многое.

Говоря о молодых писателях, Вера Федоровна не скрывает опасений, возникших у нее за время многолетней работы с начинающими:

— Меня тревожит нивелировка их стиля под среднеарифметического добросовестного редактора. Нередко молодые авторы, подававшие надежды, сворачивают на легкий путь. Все у них очень правильно, очень благополучно, а настоящего нет. Они быстро становятся похожими друг на друга. Из их писаний исчезает ощущение дополнительной жизни, а каждый новый писатель должен прибавить хоть крупинку нового, своего к тому, что известно о жизни по литературе. И эта маленькая крупинка важнее, чем самые ловкие и умелые литературные упражнения по готовой канве.

— Большая ошибка думать, что если писатель даровит, то может писать о чем угодно, — говорит В. Панова. — Без собственного материала, интимно выстраданного, заветного, писательский талант — пустой звук, не имеющая общественной ценности безделка, отвлеченность, которой не в чем материализоваться. Сколько увядает природных дарований оттого, что не нашли, не сумели найти, не сумели отстоять свой материал, пытались проявиться на материале, который им не по темпераменту, не по вкусу...

За окном стало темнеть. Так бывает в Ленинграде поздним вечером на исходе белых ночей. В зелени деревьев на Марсовом поле засветились десятки бледно-желтых шаров.

А. НИНОВ

ЛЕНИНГРАД

Вера Федоровна Панова